

УДК 94 (470) «1830/1917»

Российский националистический дискурс и меннонитское этническое предпринимательство: генезис и динамика социально-политического конфликта (1830–1917 гг.)

Наталья Венгер

Истоки проблемы «меннонитское предпринимательство и национализм» были заложены практикой государственных привилегий на этапе колонизации. Успешная предпринимательская практика меннонитов делала его удобным объектом националистической критики. Предпринимательство, поддерживаемое государством, успешно развивалось. С началом мировой войны этническая промышленность подверглась влиянию Ликвидационного законодательства. Правозащитная кампания меннонитов позволила остановить темпы имплементации законодательства и обеспечить предприятия заказами.

Ключевые слова: российский национализм, меннонитское предпринимательство, Первая мировая война, модернизация.

Предпринимательство было одним из видов деятельности, в котором показательно проявило себя меннонитское население Российской империи [5]. В первой половине XIX ст. Российское государство в меру своих возможностей способствовало развитию промышленной деятельности представителей различных этнических групп, используя практические навыки недавних переселенцев в качестве важнейшего ресурса для модернизации государства. Поощрительный вектор политики российского государства в отношении этнического предпринимательства сохранялся до того времени, пока не набрал силы и влияния российский национализм как идеология и политика [18]. Формируя дискуссионное поле по проблемным и жизненно важным для развития империи вопросам, российский национализм втягивал в орбиту своих

©Венгер Н., 2014

интересов различные социальные и этнические группы. Особый интерес в системе российского националистического дискурса вызывали именно те этнические общности, которые обладали высоким культурно-экономическим потенциалом. По этой причине объектом воздействия национализма оказалось меннонитское предпринимательство и его субъекты – социально активная группа, сложившаяся в рамках сообщества, с определённого времени выполняющая функцию элиты-репрезентанта. Экономический успех меннонитской промышленности вызывал ревностные взгляды российского предпринимательства, идеологов национализма, провоцировавших негативные настроения всего российского общества. Апогеем данной тенденции взаимоотношений был период Первой мировой войны (1914–1918), когда меннонитское предпринимательство стало объектом открытых экономических преследований.

Цель данного исследования состоит в изучении характера взаимоотношений российского национализма как идеологии и политики и меннонитского предпринимательства с момента возникновения национализма и до конца Первой мировой войны

Прото-национализм, ранний национализм и предпринимательская деятельность: предыстория конфликта.

Процесс формирования меннонитского предпринимательства был связан с привилегиями, которые получили меннониты. Поощрительная политика относительно колонизации означала, что на этапе адаптации отдельные этнические группы аккумулировали на себе значительные материальные средства, которые не предусматривались для поддержки коренного населения. Такой способ перераспределения ресурсов являлся источником последующих социальных противоречий. Данная проблема становилась темой закрытых дискуссий и провоцировала протестные настроения в головах образованных и причастных к колонизации представителей российского общества, вызывая к жизни первые антиколонизационные взгляды. В условиях абсолютизма и отсутствия гражданского общества голоса носителей данных настроений, преимущественно чиновников и дворянства, оставались скрытыми за позитивными отзывами о результатах колонизации и поощрительных мероприятиях относительно иноэтничных эмигрантских групп [8; 15]. И всё же некоторыми косвенными сведениями о существовании такой альтернативной позиции мы находим, например, в переписке между С. Контеиусом и А. Ришелье [22]. Таким образом, изначально построенная на системе неравномерной легитимности колонизационная политика

провоцировала зачатки негативных настроений относительно колонизации и переселенцев, включая меннонитов.

Другим источником протонационалистических настроений невольно становились сами меннониты, а именно объективно формируемый ими в обществе «презентационный образ» группы. Российские меннониты были представлены, как минимум, двумя версиями «образа-презентации». Первый из них имел официальное происхождение и, как ранее упоминалось, носил позитивный характер. Вторая «презентация» явилась прямой рефлексией, вызванной непосредственно контактами окружающего населения с представителями меннонитских конгрегаций. Так как опыт личных контактов был разнообразным, в том числе и конфликтным, содержание данного образа носило ситуативно-индивидуальный характер.

Поскольку с точки зрения участия в межэтнических контактах предпринимательство было наиболее активной частью социума, оно несло ответственность за имидж общин. Конфликты или другие результаты интеракций, изначально не неся в себе этнических противоречий, имели тенденцию их приобретать. Взаимоотношения с первыми меннонитскими предпринимателями и ремесленниками становились основой для формирования определённых, в том числе и негативных представлений не столько о предпринимателях, сколько о меннонитах в целом. Данные стереотипы сохранялись в этнической памяти народа и имели способность проявлять себя в социальных конфликтах, чем с успехом пользовались политики.

Заметим однако, что, несмотря на присутствие двух противоположных тенденций в отношении к меннонитскому населению, именно официальный образ данной этноконфессии долгое время оставался доминирующим, то есть позитивным, и правовые условия развития меннонитского предпринимательства также оставались весьма благоприятными.

До конца первой трети – середины XIX столетия национальная политика Российского государства характеризовалась преимущественно толерантностью и прагматизмом по отношению к нерусским народам и национальным окраинам [33; 40]. Первые проявления российского национализма, связанные с польским восстанием 1830–1831 гг., не предусматривали каких-либо мероприятий относительно колонистов. В июне 1837 г. был издан указ, требующий от губернаторов придерживаться законодательства относительно привилегий [20]. Однако уже в 1838 г. был обнародован закон, вводивший обязательное преподавание русского языка в национальных

школах, что стало свидетельством изменения внутренней стратегии государства. Россия стояла на пороге иного политического курса, который проявился после польского восстания 1863 г.

Явление колониофобии. Новый курс в отношении нерусских народов предусматривал меры частичной языковой унификации и последовательной административной интеграции национальных окраин. Польский вопрос поставил перед российским обществом проблему социальной справедливости в распределении прав между титульным и иноэтничным населением империи, которая повлияла на развитие российского националистического дискурса.

С тезисом о «неравномерной легитимности» выступали радикально настроенные представители раннего национализма Ю. Ф. Самарин (1819–1876), И. С. Аксаков (1823–1886), М. Н. Катков (1818–1887) – публицисты и общественные деятели, которых следует признать первыми идеологами «немецкого вопроса» в России. Исследуя положение остзейских колоний, они убеждали общественность в том, что немецкое население империи «при насильственном онемечивании достигает торжества немецкой национальности» [2], завоёвывает политическое влияние [1]. Проблемы остзейских немцев и колонистов были сведены воедино в рассуждениях М. Н. Каткова, который убеждал, что все этнические группы в пределах одного государства должны иметь равные права [19]. Государственную политику относительно иностранных переселенцев Катков считал несовершенной, поскольку в результате её проведения «немцы и меннониты, болгары резко выделились по положению» [19]. Дискуссии, которые разворачивались в системе российского националистического дискурса вокруг статуса немецкого населения Остзейских губерний и колонистов, повлияли на содержание реформ унификации (закон о ликвидации колониетского статуса (1871) [7] и привлечении меннонитов к военной службе (1874) [21]).

Тем временем успехи меннонитского предпринимательства становились заметными для российского общества явлением. Формируя первые капиталы, основывая фабрики и скупая земли, предприниматели словно подтверждали лозунги националистов, которые видели во всём «денационализацию русского рубежа» [3], что возбуждало воображение сторонников национализма и вызывало опасение их потенциальных конкурентов. Вместе с тем, на начальном этапе модернизационных преобразований именно предпринимательская практика обеспечивала меннонитам поддержку государства и

являлась «иммунитетом» от национализма. Государство позитивно относилось к экономическим успехам колоний, и до тех пор, пока российский национализм не возвысился до уровня государственной политики (1881 г.), он, ощущая свою слабость и силу «противника», не стремился к наступательным действиям, ограничиваясь наблюдением.

Вместе с тем, предпринимательские группы занимали всё более значимую позицию в социальной иерархии меннонитского сообщества, формируя светскую элиту. Это показательно проявилось на этапе кампании противостояния реформам 1870-х гг. Вместе с религиозными деятелями предприниматели возглавляли депутации, лоббировавшие интересы колоний. Одну из таких депутатий в Санкт-Петербург возглавлял Л. Зудерман, предприниматель Бердянской общины [6]. Побочным результатом реформы стала эмиграция – акция неповиновения со стороны меннонитов, резонансное событие, отголоски которого оказали влияние на формирование националистических настроений.

Несмотря на то, что период реформирования закончился для меннонитов в целом благоприятно, пережитый конфликт внес существенные изменения в систему взаимоотношений меннонитов с российским обществом. Оправдывая свои действия по реформированию, власти впервые использовали элементы «антиколониистской пропаганды», провоцируя тем самым элементы «антиколониистского сознания» (колониистофобии). Колониистофобия как новая версия презентационного образа содержала в себе негативное отношение к представителям этноконфессии как к группе, которая достигла процветания лишь благодаря привилегиям и была способна на предательство.

«Антиколониистское сознание» сохраняло своё значение и после 1874 г. Оно стало питательной почвой для другого явления российской действительности – «немецкого вопроса». Сращивание элементов «антиколониистского сознания» с «немецким вопросом» и превращение последнего в устойчивый элемент российских общественно-политических настроений и национализма было вызвано реальными политическими и экономическими предпосылками [37]. В развитии «немецкого вопроса» внутривнутриполитические и геополитические факторы взаимно влияли друг на друга, способствуя эскалации конфликта в целом.

Внутренним экономическим полем «немецкого вопроса» на этапе его возникновения являлась преимущественно земельная

проблема. Не затрагивая меннонитскую промышленность, он оказывал влияние на конфессиональные и этнические чувства их владельцев. Практически это выражалось в намерениях меннонитов-предпринимателей сохранять тесные связи с колониями, влияло на формирование корпораций по конфессиональному признаку, сдерживало карьерные амбиции. Не менее опасной была скрытая разрушительная работа антинемецких настроений – формирование негативного отношения одной части российского общества против другой.

Реальность проблемы колониистофобии была ещё раз подтверждена в 1910, 1912 гг., когда были предприняты первые попытки реализовать законопроекты по ограничению немецкого землевладения. Однако меннонитам удалось сформировать базу для лоббирования собственных интересов в III Думе, на заседаниях которой законопроекты были подвергнуты критике [38]. После провала законопроектов антинемецкие настроения вновь перешли в состояние анабиоза [4].

Первая мировая война, национализм и меннонитское предпринимательство.

С началом Первой мировой войны антинемецкая кампания воплотилась в ряде правительственных мероприятий по борьбе с «немецким засильем». Ликвидационное (чрезвычайное) законодательство – серия законодательных актов, обсуждаемых и частично реализованных в

России в течение 1914–1917 гг., направленных на ограничение землепользования, землевладения и влияния иностранного, преимущественно немецкого, капитала в России. Возникнув как проект, направленный против подданных вражеских государств, она вскоре превратилась во внутреннюю войну против немецкоязычного населения империи.

22 сентября 1914 г. был издан Высочайший Указ, который вводил запрет на приобретение неприятельскими подданными прав на недвижимое имущество [27]. Одновременно Министерства внутренних дел и юстиции приступили к выработке законов по ограничению прав немцев – граждан России. 2 февраля 1915 г. Советом Министров были приняты законы «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных»*, «О прекращении землевладения

* Первый из представленных законов лишал прав землевладения и землепользования подданных стран, воюющих с Россией. Землевладельцам данной категории предлагалось добровольно продать свою собственность в течение 6 месяцев. По истечении данного срока имущество могло быть продано с торгов. [31, с. 559–564].

и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях»**, «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев»***.

Данные законы не распространялись на тех, кто приобрёл подданство до 1 января 1880 г., то есть не касались напрямую бывших немцев-колонистов и меннонитов.

13 декабря 1915 г. Советом Министров был утвержден указ «О некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев» [30]. Закон расширял область влияния законов на территорию Екатеринославской, Таврической губерний и затрагивал напрямую колониетскую собственность. Речь шла о принудительной продаже собственности, применении секвестра. Такое ограничение касалось лишь немцев и меннонитов, приписанных к сельскому обществу, исключая немцев, проживающих в городах, то есть предпринимателей. Действие законов не распространялось на семьи военнослужащих или отставных офицеров из колонистов, а также на лиц, принимавших участие в боевых действиях и награжденных орденами. Однако на практике это правило нередко нарушалось. По сведениям «Комитета по борьбе с немецким засильем», на основе законов 2 февраля и 13 декабря 1915 г. ликвидации подлежали 15 598 хозяйств на территории Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний общей площадью 1 899 217 дес. [28]. Поскольку большинство меннонитов-предпринимателей являлось одновременно и землевладельцами, представленные законы затрагивали принадлежавшее им недвижимое имущество.

Были предложены специальные меры, разработанные, как было объявлено изначально, для германской, но впоследствии и для колониетской промышленности. Среди них законы: 1) 16 марта 1915 г. «О назначении правительственных инспекторов для надзора за дея-

**Согласно положениям закона устанавливалась 100–150-верстная зона вдоль границ с Германией, Австро-Венгрией, Финляндией, а также вдоль побережья Балтийского, Черного, Азовского морей (в том числе Крым и Закавказье), где землевладение и землепользование российских граждан-выходцев из Германии и Австро-Венгрии подлежало ликвидации. На добровольное выполнение закона был отведен срок 10–16 месяцев. В случае отказа владельцев предусматривалась принудительная мера – продажа с торгов [31, с. 564–566].

*** Согласно закону немецким поселенцам запрещалось приобретать какое-либо недвижимое имущество и земли вне городов. [31, с. 566–568].

тельностью некоторых торгово-промышленных заведений» (где были продлены права подданных воюющих с Россией держав на содержание торговых предприятий, а равно для производства личных промысловых занятий); 2) 10 мая 1915 г. «О ликвидации торговых предприятий, принадлежащих неприятельским подданным»; 3) 2 января 1916 г. «О мерах против уклонения неприятельскими подданными от действия ограничительного узаконения по содержанию торгово-промышленных предприятий»; 4) 16 января 1916 г. «О правительственном надзоре за деятельностью торгово-промышленных предприятий, владельцы которых являются неприятельскими подданными»; 5) 22 октября 1916 г. «Об изменении действующих правил о порядке заведывания и управления секвестрованными предприятиями и имуществом»; 6) 25 октября 1916 г. положение Совета Министров «О порядке ликвидации промышленных предприятий, расположенных на подлежащих отчуждению землях неприятельских подданных и выходцев» [24; 30; 31].

Практическая реализация Ликвидационных законов в отдельных регионах имела свою специфику и была связана со степенью проблемности «немецкого вопроса» в различных губерниях, специфике влияния «человеческого фактора».

В Новороссии общество раскололось в оценке происходящего. В феврале 1914 г. Совецание земских гласных Таврической губернии направляет в г. Петроград депутацию с целью предостережения правительства от принятия недальновидных с точки зрения государственного подхода решений. Обсуждение законов 13 декабря 1915 г. на январской 1916 г. сессии Таврического губернского собрания закончилось осуждением данных намерений [16]. Однако в феврале 1915 г. по инициативе центра здесь было основано Губернское управление по реализации Чрезвычайного законодательства, в печати началась публикация ликвидационных списков, проведены торги в Симферопольском уезде и Гальштаттской волости. Всего за продажу имений к зиме 1917 г. было выручено 4 млн. руб. [17].

В январе 1916 г. Екатеринославское губернское земское собрание приняло решение ходатайствовать о распространении закона 13 декабря на территорию всей империи [36]. Благодаря своему влиянию в городе, меннонитам удавалось поддерживать благоприятный климат вокруг общины [39].

Ликвидационные законы открыли дорогу для многочисленных злоупотреблений и произвола властей. Земские организации привлекала собственность меннонитов. В 1916 г. Александровская земская

Управа предоставила в губернское земство доклад с обоснованием необходимости покупки колоний Кичкас, Канцеровка, Нижняя Хортица. Тогда же была проведена оценка построек данных селений, согласно которой их стоимость составила 2 210 705 руб. [34]. 29 декабря 1916 г. состоялось объединённое совещание Александровской городской Управы и «Особой комиссии по вопросу приобретения городским управлением земельных угодий со всеми находящимися на них постройками поселян-собственников с. Кичкас». Общая сумма назначенной продажной стоимости всех производств с. Кичкас составляла 1 846 460 руб. (вместо реальной 2 550 701 руб.) [34].

Внимание правительства было обращено на машиностроительные предприятия. В докладе Комитета юго-западного фронта (1917 г.), сообщалось о меннонитских машиностроительных предприятиях с. Кичкас, на которых владельцы «наживают огромную прибыль». Автор утверждал, что «приобретение этих производств Земством являлось бы ценным вкладом в русскую жизнь...» [34].

Частью правозащитной кампании, организованной меннонитами, была подготовка петиций в адрес правительства от конгрегаций и отдельных лиц, распространение брошюр разъяснительного характера. В них использовался аргумент о голландском происхождении меннонитов. За год существования «Комитета по борьбе с немецким засильем» было рассмотрено 630 прошений частного характера, по 17 из них было принято положительное решение [29].

В ходе данной правозащитной кампании меннониты-предприниматели были особенно активны. 17 января 1917 г. от имени членов конгрегаций к императору обратились И. Тиссен и А. Браун, уполномоченные Екатеринославской и Таврической губерний. К обращению прилагалась записка «О ликвидации земель меннонитов», в конце которой был сделан печальный вывод: «Надежд на то, чтобы ликвидационное управление не сгубило заводов и фабрик, очень мало» [29].

Тактика, которой следовали меннониты в данных обстоятельствах, была вполне логичной. Не будучи уверенными в возможности оказать влияние на процесс блокирования законодательства, они пытались выиграть время. Появление прошений (например, Г. Бергмана) повлекло за собой расследование о меннонитах Екатеринославской губернии. В сентябре 1915 г. Екатеринославский губернатор Колобов В. А. писал, что прошение является неоправданным, ибо немцы «совершенно игнорируют местное русское население и держат себя обособленно» [25]. Он убеждал, что меннониты действительно представляют внутреннюю опасность государству.

Казалось, вся страна ополчилась против российских немцев и меннонитов, но в непредсказуемый сценарий антиколонистской кампании вмешались военная экономика и фактор времени. Потребность армии в артиллерии постоянно росла. По этой причине Военно-промышленный комитет искал новые производства, которые находил и среди меннонитских фабрик.

Поддержка в адрес бывших колонистов прозвучала от некоторых партий Государственной Думы [4]. К началу 1916 г. также появились призывы в поддержку предпринимательства представителей данной этнической группы и со стороны купечества [14].

Совет Министров вынужден был принять ряд распоряжений уступительного характера. Были перенесены сроки имплементации Ликвидационных законов 1915 г. до конца 1916 г. Указ 15 июля 1916 г. сохранял собственность тех колонистов, которые удостоверяли участие членов семьи в боевых действиях. 25 августа 1916 г. утверждено положение «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об ограничении неприятельских земельных владений и землепользований». Совет Министров постановил отсрочить применение закона до лета 1917 г. для хозяйств, которые изъявили желание летом 1916 г. высеять озимые и собрать урожай [17, с. 34].

Уступительный характер носил закон 19 августа 1916 г., затрагивающий непосредственно меннонитскую промышленность. Министерство торговли и промышленности указом от 19 августа 1916 г. добилось приостановки публичной продажи земель, на которых были расположены промышленные заведения, на два года. Для производств, изготавливавших оборонную продукцию, данный срок предполагалось увеличивать [17, с. 96, 104–105, 245].

Конкретные перспективы сохранения меннонитского предпринимательства в регионах на этапе обсуждения Ликвидационного законодательства зависели от множества факторов: степени известности каждого конкретного предприятия, специализации, возможности получения военных заказов и самоорганизации предпринимательских кланов. На степень выживаемости каждого отдельного предприятия оказывала влияние личные контакты промышленников, их умение вести диалог с российской общественностью и быть убедительными в этом диалоге.

С началом войны колонистские предприятия стали объектами рассмотрения комиссий в Особом делопроизводстве по правительственному надзору [23]. Данное ведомство исследовало степень

присутствия «вражеского капитала» в деятельности предприятий. Наиболее благоприятно обстоятельства складывались для предприятий, использованных для производства оборонной продукции. Дело фирмы «Лепп и Вальман» было прекращено с началом производства военной продукции на заводах товарищества [11]. В ноябре 1916 г. было произведено организационное объединение заводов «Лепп и Вальман» и фабрики А. Я. Копа. Сформированный ими концерн «Лепп, Вальман и Коп» подписал соглашения с Петербургским Главным Артиллерийским управлением и Екатеринославским военно-промышленным комитетом о производстве снарядов разных модификаций. За 1916 г. завод Копа изготовил оборонной продукции на сумму 1 326 651 руб. [13]. Годовое производство Леппов к 1917 г. достигло 1 557 530 руб. Капитал акционерного общества вырос в 2 раза и достиг 2 400 000 руб. [11].

К производству оборонной продукции также были привлечены: компания «Гильдебрандт и Присс» (Хортица), завод нефтяных двигателей Кригера; экипажная фабрика Унгера (Остервик). По свидетельству фабричного инспектора, предприятие «Коп и Гелькер» увеличило своё производство на 15% [35].

В Таврической губернии для производства снарядов было сформировано объединение из 15 промышленных предприятий. Возглавил данное объединение Г. Г. Шредер – директор акционерного общества «Шредер и К^о». Фактически без остановки на нужды обороны работали мельницы товарищества «Нибур и К^о» [12]. В июле 1916 г. военные заказы получили меннонитские мельницы Екатеринослава [35], а также мукомольные предприятия Дика (Феодосийский уезд), паровая мукомольная мельница Таврическо-Американского Товарищества «И. И. Дик и П. Мантлер» (с. Нельговка) [35, с. 76]. Лишь наиболее известные и мощные меннонитские предприятия сумели получить военные заказы.

Особенность общей ситуации состояла в том, что каждый из промышленников вынужден был бороться за себя своё предприятие самостоятельно. Относительная успешность екатеринославских и александровских меннонитов во многом определялась согласованностью их действий. По сведениям Екатеринославской Городской Думы, Иоганн Эзау, предприниматель и общественный деятель, входил в состав комиссии по снабжению топливом, отвечал за поставку лошадей и повозок, оборудование госпиталей [39, с. 10]. Посредничество Эзау обеспечило передачу заказов именно меннонитским производствам.

Заключение.

Проблема «меннонитское предпринимательство и национализм» развивалась как часть «немецкого вопроса» – социального явления и одной из националистических концепций, имевших глубокие исторические корни и связанных со спорами об обеспечении интересов населения империи, с одной стороны, и процессами экономической интеграции немецкоязычного населения, неравномерности развития окраин, с другой.

Истоки данной проблемы были заложены возникшей на раннем этапе колонизации государственной практикой государственных привилегий. В националистических интерпретациях многочисленных проблем развития империи извечный русский вопрос «Кто виноват?» задавался намного чаще, чем направленный на поиск позитивного решения «Что делать?». Среди «виновных» оказывались наиболее успешные этнические группы, включая и меннонитов.

Предпринимательская практика была показателем успешности меннонитов в России, что явилось одним из катализаторов развития немецкого вопроса в империи. Меннонитское предпринимательство, будучи, как убеждали националисты, «сильным» и потенциально опасным врагом, было удобным объектом для критики и мониторинга. Тот факт, что меннониты имели успех в различных направлениях предпринимательской деятельности (аграрный и промышленный сектор), расширяло целевые группы воздействия идеологии российского национализма.

Меннонитское предпринимательство, поддерживаемое государством, долгое время обладало достаточной стойкостью, чтобы противостоять национализму. После 1870-х гг. отношение к представителям меннонитского сообщества изменилось согласно новому негативному презентационному образу этноконфессии.

Трудности модернизации привели к постепенному сближению национализма и практической политики. Это мало затронуло этническое предпринимательство и способствовало его экономическому успеху в начале XX ст. Но с началом Первой мировой войны проблема была сфокусирована на решении проблем собственности. На этапе принятия Ликвидационного законодательства государственный национализм перешёл границу правовой легитимности, предлагая ограничительные меры против немецкоязычных граждан Российской империи.

Вместе с тем, несмотря на неравное распределение сил в конфликте, противостояние «российский национализм – меннонитское

предпринимательство» не закончилось поражением этноконфессии. Протекционистская кампания, в которой значительную роль сыграли меннонитские промышленники, позволила не просто приостановить темпы введения законодательства, но и обеспечить крупные предприятия военными заказами. Вместе с тем, столкновение с государственным национализмом, нанесло удар по пацифистским воззрениям меннонитов.

Программа ликвидации собственности по националистическому сценарию принесла вред не только экономике государства, но и перспективам развития российского общества. За пределы легитимности были выведены сильные, социально активные этнические группы. В результате государство, как неделимое сообщество, расплачивалось своим отставанием за действия националистически настроенных политиков. Негативным прогнозом для империи был тот факт, что общественность во многом поддерживала продвижение законов, попирающих права граждан. Российское общество показало, как легко оно может принимать условия гражданской войны. Дальнейшие события подтвердили истинность данного неутешительного для империи прогноза.

Примечания

1. Аксаков И. С. В каком смысле остзейские немцы дорожат своими отжившими привилегиями (сентябрь, 1868) / И. С. Аксаков // Аксаков И. С. Полн. собр. соч. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. – С. 102.
2. Аксаков И. С. В праве ли прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности (23. 09. 1867) // Аксаков И. С. Полн. собр. соч. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн. собр. соч. – С. 30.
3. Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн. собр. соч. – С. 413–416.
4. Баах С. В. Трансформация содержания немецкого вопроса в контексте деятельности Государственной Думы (1906–1917) / С. В. Баах // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношения: Матер. XI междунар. конф. Москва. 1 – 3 ноября 2006 г. – М. : МСНК-пресс, 2007. – С. 189–200.

5. Венгер Н. В. Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности на территории меннонитских колоний / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск : РВВ ДНУ, 2002. – С. 30–51.
6. Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом / Н. В. Венгер. – Днепропетровск: ДНУ, 2009. – С. 224–225.
7. *Высочайше* утверждённые правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворённых на казённых землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и в области Бессарабской (14 июня 1871) // ПСЗРИ. – Изд. II. – Т. XLVI. – С. 813–819.
8. Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и особенности сельских учреждений России: в 3 т. / А. Гакстгаузен. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1870. – Т. 1. – 490 с.
9. Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. – М., 1915. – С. 62.
10. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 56.
11. ГАЗО. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 318. – Л. 20–21, 71–73.
12. ГАЗО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 481. – Л. 21.
13. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). – Ф. 158. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 37.
14. Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. – М., 1915. – С. 62.
15. Клаус А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А. Клаус. – СПб. : Нусвал, 1869. – 455 с.
16. Лаптев Ю. Положение немцев в Крыму в годы Первой мировой войны / Ю. Лаптев // Немцы в Крыму. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2000. – С. 63–72.

17. *Линдеман К. Э.* Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июня и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России / К. Э. Линдеман. – М. : Тип. К. Л. Меньшова, 1917. – 384 с.
18. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – Т.1. – С. 28–34.
19. *Московские ведомости (МВ).* – 1864. – № 51. – С. 136.
20. *Наказ* гражданским губернаторам об обязанности гражданских губернаторов по охранении прав и льгот, дарованных иностранным колонистам (3 июня 1837 г.) // ПСЗРИ. – Изд. II. – Т. XII. – С. 361–438.
21. *Правила* об отбывании обязательной службы меннонитами // Полное собрание законов Российской Империи (далее ПСЗРИ). – Изд. II. – Т. L. – С. 146–147.
22. *Письма* герцога Армана Эммануиловича де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг. / Сост. и ред. О. В. Коновалова. – Одесса: ОКФА; издательство ТЭС, 1999. – 282 с.
23. *Российский* государственный исторический архив Российской Федерации (РГИА). – Ф. 23. – Оп. 28. – Д. 1216. – Л. 33–34.
24. РГИА. – Ф. 23. – Оп. 28. – Д. 3090. – С. 1–5, 7, 17 об., 25–26.
25. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 319. – Л. 25–27.
26. РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 12. – Д. 1447
27. РГИА. – Ф. 1483. – Оп.1. – Д. 1. – Л. 5.
28. РГИА. – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д.16. – Д. 34.
29. РГИА. – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 19–27.
30. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1915 г.: в 2 ч. – Петроград : Сенатская тип., 1916. – Ч. 1, 2
31. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства, издаваемое в правительствующем Сенате в 1915 г. Отдел 1-й. – Петроград: Сенатская типография, 1915. – С. 2749.
32. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1916 г.: в 2 ч. – Петроград: Сенатская тип., 1917. – Ч. 1, 2.

33. *Фадеев А. М.* Воспоминания: в 2 ч. / А. М. Фадеев. – Одесса: Тип. Высочайше утверждённого Южнорусского общества печатного дела, 1897. – Т. 1. – С. 51–53, 63, 82–88, 104–106, 211.
34. *Центральный* государственный исторический архив Украины (ЦГИАК). – Ф. 715. – Оп. 1. – Д. 2259. – Л. 14.
35. ЦГИАК. – Ф. 2090. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 423.
36. *Hamm O.* Memoirs of Ignatyev in the light of historical change / O. Hamm. – Saskatoon : Ruth F. Humm, 1984. – P. 109.
37. *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I / E. Lohr. – Cambridge : Harvard University Press, 2003. – 220 p.
38. *Martin T.* The Mennonites and the Russian State Duma, 1905–1914 / T. Martin // The Donald W. Treadgold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. – Washington : University of Washington. – Paper No. 4. January 1996. – P. 34–42.
39. *Peter Heese.* Jecaterinoslav // Mennonite Heritage Center Archive. – Vol. 5015. Small Archives. – 32 p.
40. *Staples J. R.* Cross-cultural Encounters on the Ukrainian Steppe: Settling the Molochna Basing, 1783 – 1861 / J. R. Staples. – Toronto : University of Toronto Press, 2003. – P. 107–142.

Венгер, Наталія Російський націоналістичний дискурс і менонітське етнічне підприємництво: генезис і динаміка соціально-політичного конфлікту (1830–1917)

Проблема «менонітське підприємництво і націоналізм» були закладені практикою державних привілеїв на етапі колонізації. Успішна підприємницька практика менонітів робила його зручним об'єктом націоналістичної критики. Підприємництво, підтримуване державою, мало сприятливі можливості розвитку. З початком світової війни етнічна промисловість зазнала впливу Ліквідаційний законодавства. Правозахисна кампанія менонітів дозволила зупинити темпи імплементації законодавства і забезпечити підприємства замовленнями.

Ключові слова: російський націоналізм, менонітське підприємництво, Перша світова війна, модернізація.

Venger, Nataliya Russian Nationalism discourse and Mennonite ethnic entrepreneurship: genesis and dynamics of the social and political conflict (1830–1917)

The origins of the problem "Mennonite entrepreneurship and nationalism" were laid by the state privilege practice at the stage of colonization. Successful entrepreneur practice of the Mennonites made it an object for nationalism criticism. Entrepreneurship supported by the state had favourable opportunities for development. With the outbreak of the First World War ethnic industry was influenced by Liquidation Legislation. Mennonite human rights campaign helped to stop the rate of legislation implementation and provide enterprises with orders.

Keywords: Russian nationalism, Mennonite entrepreneurship, First World War, modernization

УДК 94 (470+571): [336.24.08:331.105.44] «1917»

Всеросійська спілка митних службовців у 1917 році

Сергій Дейнеко

У статті на основі архівних матеріалів показане становлення та занепад першої профспілкової організації російських митників. Розглянуто причини, хід та наслідки першого політичного страйку співробітників Департаменту митних зборів, що проводився під керівництвом митної профспілки Петрограда. На думку автора однією з причин малоефективної роботи вищезгаданої установи була завелика політизація суспільства.

Ключові слова: профспілка, митниця, російська революція, Петроград.

Лютнева революція 1917 р. надала додаткового імпульсу до розвитку цілій низці різноманітних громадських об'єднань, зокрема профспілковим. Одна з таких організацій – це професійна спілка митних службовців, яка з'явилася навесні 1917 року.

Відсутність публікацій, які відображують сторінки історії профспілкової організації службовців Департаменту митних зборів обумовлює актуальність нашого дослідження.

Дослідження історії митної справи має доволі значну історіографію. Різноманітні аспекти митної політики відображені в низці праць. Так, у колективній монографії «Історія митної справи в Україні» висвітлюється її становлення та розвиток від часів Боспорської держави майже до сьогодення. Чимало уваги приділяється роботі митних установ, в тому числі і на початку ХХ століття [12]. Особливості становлення митної системи Російської імперії в ХVІІІ – початок ХХ ст. на українських землях, розглянув в своїй монографії дослідник з Академії митної служби України (Дніпропетровськ), доктор історичних наук О.В. Морозов [15].